

УДК 811.161.1 38:821.161.1Ж – 3.08

Г.Я. Томила

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ МИХАИЛА ЖВАНЕЦКОГО

В статье анализируются средства выражения языковой игры как особенность индивидуального стиля М. Жванецкого.

Ключевые слова: языковая игра, юмор, метафора, фразеологизм.

Языковая игра проявляется в повседневном общении и отражается в художественной литературе, в языке СМИ. Как верно отмечает Л.П. Столярова, вся человеческая деятельность протекает в двух основных регистрах – либо в деловом, либо в игровом. Социальное значение языковой игры заключается в регулировании поведения окружающих, в избавлении мира от единообразия и от шаблонности речи современника [4, с. 423].

К изучению языковой игры в русском языке обращались Т.А. Гридина, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.З. Синников, Л.П. Столярова, Е.П. Ходакова, А.А. Щербина и др.

Цель статьи – рассмотреть использование языковой игры как стилистического феномена и выяснить особенности её проявления на разных лингвистических уровнях в рассказах Михаила Жванецкого, изданных в его книге “Избранное” [3].

В прозе писателя основные функции языковой игры: создание комического эффекта, выражение авторской оценки, характерологическая – выступают как основные; эмотивная, образная фактическая функции реализуются как вторичные.

Излюбленной композиционной формой текста в юмористических рассказах М. Жванецкого является диалог. Он позволяет создавать выразительную и индивидуальную речевую характеристику персонажей. Для этого автор нередко использует индивидуальные орфоэпические особенности речи героев, отражающие анатомо-физиологические недочёты произношения персонажей, ведущие к косноязычию.

Очень комичен диалог двух потенциальных пациентов логопеда:

Медпункт. Я подчиняюсь водздзавотделу.

Капитан. Я пееб'ёшусь на зд'явотдел.

Какой у вас п'ёфиль?

Медпункт. Я эквасенс. Я всё делаю на вас-стоянии. Мне достаточно пвойтись по вашей фотографии (“Одесский пароход”) [3, с. 123].

В одной из диалогических реплик персонаж вместо сонорного плавного [р] произносит фрикативный [ʃ]:

Ядиной в пойт песней сидим на месте в ста сояка мет'ях от п'ичала, отнялся задний ход. Штуйман Гойман списан на беег... (“Одесский пароход”) [3, с. 122].

В следующем контексте отражается другой речевой дефект говорящего – дрожащий [р] заменяется взрывным [г]:

Полкгуиза пгошло, а мы не отошли: они всё вземя пгинимают пгодукцию (“Одесский пароход”) [3, с. 123].

Дзеканье и цоканье как особенность западнорусских говоров ([дз'] и [ц']) на месте переднеязычных [д] и [т]) отражены в таком речевом отрывке:

– Гдзе ваша жена? Что вы говорице? Все так говорят. А дзевушка? Ну, расскажите что-нибудь [“Свадьба на сто семьдесят человек” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [3, с. 195].

Следующий монолог заказчика отражает замену шипящих звуков свистящими:

Кто ссил костюм, я могу с ним погово- рить?.. Я не буду крицать. Я хоцу посмотреть ему в глаза и всё. Выходят сто человек. Этот воротницёк, тот лацканчик. Этот хля- стик, тот манзетик (“Уж очень я смесной человек”) [2, с. 177].

В орфографии юмористических рассказов писателя отражаются также индивидуальные особенности (произношения гласных и согласных):

– Ну, прэсса!

– От прэсса! (“Прэсса даёт”) [3, с. 508].

– Псису?

– Рисуй (“Ставь птицу”) [3, с. 100].

Ещё более разнообразны лексические средства создания языковой игры. Оригинально писатель использует лексико-семантические группы. Особое место среди них занимают антонимы. Комический эффект в антонимической паре *одеты – раздеты* усиливается за счёт лексической сочетаемости второго компонента:

Так как наше производство не работает, одеты мы прилично. Женщины – наоборот – раздеты ярко и броско (“Чем живет страна”) [3, с. 575].

Переkreшиваясь в свободном и связанном значениях, антонимы образуют иногда тесное переплетение:

Эмансипация, моя зайка, как раз и породила то огромное количество сильных представителей слабого пола и слабых сильного, которое вас так огорчает (“Письмо женщине”) [3, с. 152].

В следующем контексте именно авторский подтекст при употреблении двух антонимических пар становится основой словесной игры:

Красивая женщина разъедняет мужчин и сплачивает женщин (“Красивая женщина”) [2, с. 637].

Интересно взаимодействие лексических антонимов – прилагательных с контекстуальными – выраженными количественными числительными, в известном монологе автора:

– *Правда, большие... но по пять рублей... а сегодня были по три... но маленькие... потому по три...* [“Я видел раков” (Для Р. Карцева)] [3, с. 312].

Даже индивидуально-авторский неологизм может выступать в роли компонента антонимической пары:

Товарищи, культура застолья... нет, не подстолья, а застолья... [“Дегустация” (Для Р. Карцева)] [3, с. 138].

Описывая юмор как состояние души, М. Жванецкий использует оксюморон, построенный на антонимии компонентов:

Что такое юмор? Это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюблённость собеседника и готовность рассмеяться до слёз (“Что такое юмор?”) [3, с. 384].

Реже словесная игра строится на лексических синонимах:

Под микроскопом хорошо видны взаимовыручка и поддержка, хотя и в очень ослабленном виде (“XX век”) [3, с. 276].

Характеризуя состояние человека после большой выпивки, автор оригинально употребляет контекстуальные синонимы:

Конфликтует тело с организмом, не на кого рассчитывать (“После вчерашнего”) [2, с. 265].

В сочетании с антонимичными синонимами иногда довольно противоречиво характеризуют нравственные человеческие качества:

Дружба видоизменилась настолько, что допускает предательство. Размашистое чувство, включающее в себя безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой (“XX век”) [3, с. 275].

Изредка писатель основывает словесную игру на омонимах. В следующем диалоге свадебных гостей раскрывается мотивированность омонима недвижимость:

– *Я хочу выпить этот бокал за престарелую бабушку с престарелым дедушкой, которые давно уже не двигаются, но они всё-таки выехали, чтобы разделить с нами наше счастье! – Ура! Выпьем за недвижимость* [“Свадьба на сто семьдесят человек” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [3, с. 201].

Эта шутливая этимологизация противопоставляет лексему омонимической, обозначающей недвижимое имущество. Речевая омонимия под пером писателя порой строится на столкновении совпадающих по звуковому составу слов разной частеречной принадлежности:

А кто в шестернях вращался подолгу. Не по долгу службы, а по-долгу времени (“Как руководить”) [3, с. 272].

В этом отрывке оригинально используется автором словообразовательное расчленение, при-

водящее к речевой омонимии. Словесная игра строится также на сопоставлении паронимов:

Ухода, конечно, в больнице нет, хотя вход массовый (“В больнице”) [3, с. 586].

Нередко средством словесной игры становится лексическая многозначность:

– *Ой, сколько ему осталось?*

– *Так, всё останется ей* [“Свадьба на сто семьдесят человек” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [3, с. 198].

В первой реплике подразумевается “жить”, во второй – “будет унаследовано, достанется”. Просторечное значение глагола врезать реализуется в следующем известном монологе М. Жванецкого:

– *Хорошо ещё вечером в скверике врезали “Зверобой” и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули* [“В греческом зале” (Для А. Райкина)] [3, с. 36].

Из тропов для создания языковой игры чаще всего используется метафора. Она характеризует состояние человека:

Будем ждать всплеск памяти или сведений со стороны (“После вчерашнего”) [3, с. 266].

Иногда контекст включает несколько метафор:

Если он утром ничего в топку не бросит, он к вечеру не то что ужалить, жужжать не сможет (“Сексуальная революция”) [3, с. 462].

Развёрнутая метафора в разговорной речи сближает мужика с паровозом (топка = желудок), две другие, очень экспрессивные, характеризуют его действия глаголами из области энтомологии. Очень своеобразна индивидуальная метафора, характеризующая учительскую профессию – красная, простреленная тетрадь, то есть с исправленными учителем ошибками:

– *Красным я отмечал ошибки. Это кровавая, прострелянная в шести местах тетрадь. Но я тебе дал три с плюсом, тебе и маме* (“Учителю”) [3, с. 235].

Оценочной метафорой М. Жванецкий также пользуется, характеризуя роль писателя-сатирика в современном обществе:

Его лай слышен то в войсках, то на базаре, то под забором самого Кремля, а чаще он сосредоточенно ищет блох, с огромной тоской по ужину (“Вперёд назад”) [3, с. 632].

Обе метафоры, относящиеся к области фауны, в составе многочленной метафорической структуры, – оригинальное средство языковой игры. В известном афоризме писателя *Броня крепка, и танки наши быстры...* (“Броня моя”) [3, с. 365] военные термины употребляются метафорически. Характеризуя современный момент в художественной литературе и СМИ, автор иронически употребляет глагольную метафору:

Ни литература, ни телевидение сегодняшнюю жизнь не поймали (“ТЭФИ-98”) [3, с. 667].

Метафора М. Жванецкого всегда экспрессивна и оценочна:

В общем наша страна – родина талантов, а наша Родина – их кладбище (“Страна талантов”) [3, с. 579].

В юмористических целях писатель использует также сравнения. В следующем контексте экспрессивность тропа усиливается в результате взаимодействия сравнения с двумя лексическими омонимами глагола покрывать:

Ну а Швейцария, совсем маленькая страна. Красноярский край покрывает её, как бык овцу (“Тщательнее”) [3, с. 295].

Объектом сравнения под пером автора становится реалья советских времён, вытрезвитель, куда сажали алкоголиков на пятнадцать суток:

Скоро восьмое марта. Три месяца пролегут, как пятнадцать суток [“Собрание на ликероводочном заводе” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [3, с. 96].

Иронически звучит оценочное бессюзное сравнение в форме творительного падежа, характеризующее особенности речи киноперсонажей:

А уж фраза: “Я вами руководил, я отвечаю за всё” – прямо колом в горле стоит (“Трудности кино”) [3, с. 343].

Иногда только намёк в речевом отрезке указывает на реалии советской эпохи – такова метонимия местком:

Если женатый, так ночуй. А не хочешь, поговоришь с нашим месткомом (“Собрание на ликероводочном заводе”) [3, с. 96].

М. Жванецкий намекает здесь на роль членов месткома в разрешении семейных конфликтов, споров на предприятии, в учреждении. Средством создания словесной игры может становиться метонимия, построенная на антропонимах:

С нашей стороны Распутин, Смирнов, Горбачёв, но это водка. Бефстроганов – закуска (“Страна талантов”) [3, с. 579].

Название мясного блюда бефстроганов образовано от русского антропонима Строганов. Языковая игра строится иногда на основе синекдохи:

А народ – чего, он полностью привык, приспособился, нашёл своё место, говорит, что нужно, приходит куда надо, и отвинчивает, руками, ногами, зубами, преданно глядя государству в глаза [“Государство и народ” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [3, с. 320].

В словесную игру вовлекаются также термины. Интересно обыгрывается социальный термин “новый русский” в речи одесситки:

В Одессе ребятки тоже всё – ничего. «Миша, – сказала мне тетя Лиля, – Я с Изей живу тридцать лет и никогда не знала, что он “новый русский”» [“Чем живёт страна” (Обозрение)] [3, с. 575].

В языковую игру вовлекаются даже сексуальные термины. Сравнивая лексемы *любовь* и *секс*, автор критически характеризует последний:

Любимые называются партнёрами, объятия называются позициями, поцелуй – начало игры [“Чем живёт страна” (Обозрение)] [3, с. 573].

Даже химические формулы лекарственных препаратов вовлекаются М. Жванецким в языковую игру. В сочетании с глагольными метафорами они создают непревзойдённый комический эффект:

Вот то – СНЗ СО С2 Н5, на парэ, что, в отличие от швейцарского, не берёт микроб, а, наоборот с ним сотрудничает... (“Тщательнее”) [2, с. 298].

Книжная лексика используется писателем для выражения тончайших оттенков значения:

Еда не дается пока, вот не само глотание, а еда как трапеца (“Трудности кино”) [2, с. 343].

Противопоставляя торжественный синоним *трапеца* нейтральному *еда*, автор обращает внимание читателя на смысл этого гречизма. Языковая игра может создаваться и словообразовательными средствами. Это сложные многокомпонентные существительные:

А нехватку воображения можно пополнить в самом популярном клубе кинотеледомогорепутешевственников (“Клуб кинопутешествий”) [3, с. 288].

Критикуя официальный, бюрократический язык, М. Жванецкий замечает: только свой понимает, что значит “бензинорасходы”, “тонно-километры”, “металлоремонт”:

Какая тут неперевожимая игра цифр, запчастей, самосвалов и частников (“Неперевожимая игра”) [3, с. 132–133].

Для выражения авторской оценки, создания экспрессии писатель обращается к формам субъективной оценки:

Идут наши святые, плоть от плоти, ребрышки наши дорогие (“Наша!”) [2, с. 263].

В контексте обыгрывается библейский миф о создании Евы из ребра Адама. Отражается языковая игра и в крылатых выражениях писателя. Афоризмы М. Жванецкого – это краткие, емкие, мудрые формулы с огромной концентрацией мысли:

В Греческом зале. Жлобство – это не хамство. Прэсса даёт. Даже у лошадей наши морды. Тщательнее надо, ребята. У мужчины и женщины две задачи, две великие проблемы: как соблазнить и как бросить [3, с. 378].

В рассказах М. Жванецкого используется разнообразие приёмов преобразования фразеологизмов [5, с. 422]. Замена компонента фразеологической единицы (ФЕ) антонимами:

Все мои поиски увенчались неудачей, ввиду отсутствия адреса и места работы (“Автобиография женская”) [3, с. 184].

Возникновения новой сочетаемости ФЕ:

Я попрошу Вашего разрешения держать Вас в Ваших, любимых ежовых рукавицах (“Письмо женщины”) [2, с. 154].

Пропуск одного из компонентов ФЕ:

Автосцепщик Харитон Круглов опять взял, на себя, как и в прошлый год, и с честью несёт. Обещал, в общем, не дожидаясь конца года (“Собрание на ликероводочном заводе”) [2, с. 92].

Образование фразеологизма по модели другого устойчивого оборота:

Я чувствую, наш сегодняшний разговор произвел глубокое впечатление на всех сидящих и кое-кто намотал на винт (“Собрание на ликероводочном заводе”) [2, с. 96].

Глагольная ФЕ построена по модели “намотать на ус”. Совмещение в устойчивом обороте двух значений – свободного и фразеологического связанного:

И вы проиграете жизнь за этой за этой проклятой доской (“Учителю”) [2, с. 235].

Употребление вместо исходного компонента другого, с иным заключением:

Замешкавшийся прохожий получает в награду правду-мать и остается сломленным навсегда (“Очень много честных людей”) [2, с. 213].

Использование вместо устойчивого оборота его фрагмента:

У него не брудершафты ушло пятьсот рублей (“Свадьба на 170 человек”) [2, с. 202].

Обновление ФЕ путем контаминации устойчивого оборота и лексемы различной стилистической тональности:

– *Соблюдай рыгламент* (“Собрание на ликероводочном заводе”) [2, с. 93].

М. Жванецкий обращается и к синтаксическим средствам языковой игры. Это и особая структура диалога семейной пары, состоящая из звукоподражаний и междометий:

– *Хрррр... – Ой... – Хрррр... – Ой... – Хрррр... – Ой...* [“Свадьба на сто семьдесят человек” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [2, с. 204–205].

Несколько рядов однородных членов предложения иногда образуют замкнутый круг, выход из которого становится загадкой:

Нерадивость породила дефицит, дефицит – воровство, воровство – хамство, хамство – нерадивость, которая породила дефицит (“Жлобство – это не хамство”) [2, с. 341].

Комически выглядит математический способ представления однородных членов в следующей самохарактеристике персонажа:

Я холостяк. Не старый. Мне восемнадцать до семнадцатого года, плюс пятьдесят один, минус подходящий, плюс бездетность (“Для вас, женщины”) [2, с. 241].

Передавая интонации живой разговорной речи, М. Жванецкий употребляет парцеллированные конструкции:

У вас что? Пьеса? А вы попробуйте поменять концовку. Не грустно встал, а радостно вскочил... И не на кладбище, а в санатории... И позвоните мне [“Специалист” (Для Р. Карцева)] [2, с. 168].

Парцелляция здесь оригинально сочетается с лексическими и контекстуальными антонимами. Об атмосфере страха, подслушивания и доносов завуалировано автор говорит в следующем наставлении:

Вы что-то хотите сказать? Скажите. В тряпочку. Заверните и тихо опустите в урну (“Очень много честных людей”) [2, с. 213].

Ещё одна черта разговорного синтаксиса – эллипсис – также обыгрывается М. Жванецким:

– *А из меня этих тем фонтаном* [“Свадьба на сто семьдесят человек” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [2, с. 194].

– *Снюхай, а где этот певец, что за валютные операции?* [“Свадьба на сто семьдесят человек” (Для Р. Карцева и В. Ильченко)] [2, с. 196].

Таким образом, языковая игра как черта индивидуального стиля писателя проявляется на орфоэпическом, лексическом, словообразовательном, фразеологическом и синтаксическом уровнях. Она служит в борьбе с серостью и повседневностью, повышает экспрессивность языковых средств и выражает авторскую оценку, передаёт речевой колорит отдельных персонажей. Среди излюбленных авторских средств языковой игры отметим антонимию, метафору, фразеологизмы, орфоэпические особенности речи персонажей. В ряде случаев М. Жванецкий использует комбинированные средства для создания языковой игры.

Список использованной литературы

1. Столярова Л.П. Языковая игра в портрете современника / Л.П. Столярова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : материалы II Международной научной конференции. – Днепропетровск : Пороги, 2005. – С. 401–403.
2. Жванецкий М. Избранное / Михаил Жванецкий. – М. : ЭКСМО, 2008. – 798 с.
3. Жванецкий М. Мой портфель / Михаил Жванецкий. – К. : Махаон-Украина, 2004. – 380 с.
4. Томилина Г.Я. Фразеологические средства комического в прозе Михаила Жванецкого / Г.Я. Томилина // Одиннадцатые Запорожские Еврейские чтения : сб. науч. трудов. – Запорожье : 2007. – С. 421–428.
5. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы / В.П. Ковалев. – К. : Вища школа, 1981. – С. 181.

Стаття надійшла до редакції 28.10.2013.

Томіліна Г.Я. Мовна гра в художній прозі Михайла Жванецького

У статті проаналізовано засоби вираження мовної гри як особливість індивідуального стилю М. Жванецького.

Ключові слова: мовна гра, гумор, метафора, фразема.

Tomylyna G. The language game in Mikhail Zhvanetsky's prose

The article focuses on the stylistic analysis of the language peculiarities of Mikhail Zhvanetsky. The name of Michael Zhvanecky has been well known since the Soviet Union period as a brilliant humoristic writer. He is best known for his shows targeting different aspects of the Soviet and post-Soviet everyday life in very popular among people books of humor and satire.

Most of M. Zhvanetsky humoristic lines are based on the so-called language game, specific way for transforming the direct meanings of words and phrases. The contextual meanings include some extra linguistic content that can be understood through soviet or post-soviet cross-cultural issues as well as current realities in Russia and Ukraine. Many of the author's phrases have become proverbs which are well known and used by the people. Here are some of his best lines: Everything goes well, but past me; Let them laugh at you, rather than cry; While you measure seven times, others will already make a cut; It is not enough to find your place in life, you have to be there first; If a person knows what he wants, then he either knows too much or wants too little; And then he took a knife and shot himself dead; Thinking is too difficult, so most people judge; The more I look in the mirror, the more I believe in Darwin; Of two evils, I choose the one I haven't tried before; Do not run from a sniper, you'll die tired; You came – thanks; you left – many thanks; All great men are long dead, and I am feeling so-so, etc.

M. Zhvanetsky as a writer uses wide spectrum of linguistic methods and resources in order to create comic effect. Among them: phonetic, lexical, syntactic transformations, developing individual attractive metaphors, idioms which consist deep underground sense. The article offers the criteria for revelation some of the most typical linguistic methods which reflect individual style of M. Zhvanetsky.

Key words: language game, humor, metaphora, idiom.